

УДК 327; 355.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-124-138

ВОЙНА В ГОРИЗОНТЕ «ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО» (К. ШМИТТ) И «БЕССИЛИЯ ПОЛИТИКИ» (Х. ХОФМАЙСТЕР)

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сопоставить анализ двух представлений войны, определённых в горизонте двух разных парадигм политического: репрезентативными и характерными примерами являются понятие «ограниченной правом» войны К. Шмитта и философское понятие войны как «бессилия политики» Х. Хофмайстера.

Процедура и методы. Выстроены перспективы представления войны в двух парадигмах политического; выявлены существенные и разные для каждого «случая» характеристики войны, которые объединяются в понятийное единство согласно принципам, заданным перспективой.

Результаты. Проведённый анализ показал отсутствие общего представления войны, различие содержания двух понятий войны; представление войны в либеральной парадигме политического, согласно основоположениям либеральной метафизики, не может быть понятийно концептуализировано, но представляет собой ряд дискурсов (дискурс о «природе человека», «о насилии», «о справедливости» и проч.), нормативно сведённых в «единство» согласно императивам либеральной идеологии; доказана необходимость представления войны как полицейской операции (миротворческой миссии); указанная необходимость обусловлена невозможностью различения «внутреннего» и «внешнего» в ситуации исключения суверена (и суверенного решения) в универсальной и глобальной перспективах представления действительности в либеральной парадигме политического.

Теоретическая и/или практическая значимость. В результате проведённого исследования сделан вывод, что «новая война» («перманентная», «тотальная», «справедливая», «асимметричная»), конституированная в горизонте понимания политики как глобального управления и принципиально отрицающая признание «законного врага», является по своей сути «тотальной» (в современной терминологии – «гибридной») войной.

Ключевые слова: война, понятие политического, «новая война», насилие, «бессилие политики», власть, суверен

WAR IN THE HORIZON OF «THE CONCEPT OF THE POLITICAL» (C. SCHMITT) AND «THE IMPOTENCE OF POLITICS» (H. HOFMEISTER)

K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako

*Belgorod Shukhov State Technological University
ul. Kostyukova, Belgorod 308012, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct a comparative analysis of two representations of war defined within two different paradigms of the political; representative and characteristic examples of which are the concept of a

“law-limited” war by C. Schmitt and the philosophical concept of war as the “impotence of politics” by H. Hofmeister.

Methodology. The main content of the study is the formation of the perspective representation of war in two paradigms of the political; the essential and different characteristics of war for each concept are identified, and further combined into a conceptual unity according to the principles set by the perspective.

Results. The analysis has revealed the absence of a general representation of war and the difference in the content of the two concepts of war. The representation of war in the liberal paradigm of the political, according to the principles of liberal metaphysics, cannot be conceptualized, but represents a number of discourses (on “human nature”, “violence”, “justice”, etc.), normatively reduced to the concept of “unity” according to the imperatives of liberal ideology. The necessity of presenting war as a police operation (peacekeeping mission) is proved; it provides rationale to the impossibility of distinguishing between “internal” and “external” in the situation of exclusion of the sovereign (and sovereign decision) in the universal and global perspective of the reality representation in the liberal paradigm of the political.

Research implications. As a result of the research conducted, it was concluded that the “new war” (“permanent”, “total”, “fair”, “asymmetric”), constituted in the horizon of understanding politics as global governance and fundamentally denying recognition of the “legitimate enemy”, must be inherently “total” (according to modern terminology it is “hybrid”) war.

Keywords: war, the concept of the political, “new war”, violence, “impotence of politics”, power, sovereign

Введение

Истолкования тезиса К. Клаузевица [2] о войне и политике трудно сосчитать и классифицировать. Для философии это является свидетельством того, что в нём затронуто нечто *существенное*: именно – *связь* между понятием войны и «понятием политического». У К. Шмитта оба понятия образуют единство в *собственном смысле*: они взаимно определяют друг друга; в тезисе Х. Хофмайстера о войне как «бессилии политики» заявлена претензия разорвать подобное единство. Шмитт настаивает на том, что «политическое» есть особая нередуцируемая «область действительности», имеющая свое *начало* и свой *принцип*; Хофмайстер выстраивает «философское понятие войны» в горизонте антропологии и представляет политическое как *управление интересами*, иногда предполагающее применение организованного насилия со стороны государства. Выстраивая понятие войны, оба обращаются к греческому понятию «полемос»: Шмитт, определяя «понятие политического», утверждает, что пара «друг/враг» обнаруживает «экзистенци-

альную противоположность»¹; Хофмайстер истолковывает «полемос» в первую очередь как *спор*, а «применение насилия» как следствие недостатка аргументов и как «обрыв политики»; примечательно также и то, что для выстраивания *понятия* войны Шмитт *не нуждается* в привлечении концепта «насилия», который появляется в его рассуждениях только *после того*, как понятие войны установлено.

Сказанного достаточно для демонстрации *противоположности* (в процессе исследования будет установлено, что *видимая* противоположность на самом деле является *несоизмеримостью*) позиций К. Шмитта и Х. Хофмайстера. И в задачи данной работы входит толкование этой противоположности.

Пожалуй, до недавнего времени только одно утверждение относительно представления войны, пользовалось всеобщим признанием, в т. ч. в остальном несогласными К. Шмиттом и Х. Хофмайстером: война есть способ «взаимодействия» между суверенными государ-

¹ Шмитт К. Политическая теология / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.

ствами, т. е., во-первых, предполагает государственную монополию на применение «физического насилия» в любой форме; во-вторых, такое насилие в отношениях между государствами легитимно; в-третьих, между «внутренним» и «внешним» полагается возможным провести границу. В последние годы (десятилетия) данное утверждение потеряло достоверность: государство больше не мыслится суверенным (хотя продолжает таким называться) и никто больше не утверждает, что оно фактически способно сохранить «монополию на насилие»; легитимность войны как законной формы выяснения отношений между государствами отрицается с 1945 г (речь о принципе, а не об исключениях); наконец, самое главное для понятия войны: вместе с сувереном исчезла возможность проведения границы между «внешним» и «внутренним», которая была его исключительной прерогативой, т. к. по своей сути это – именно суверенное решение [7].

Таким образом, помимо теоретического интереса вопрос о войне имеет и практическое значение: представление о мировом порядке исключает реальность войны (различение между реальным и действительным должно удерживаться, если речь идёт о понятии), – однако, вопреки недавнему ещё «авторитетному экспертному мнению», война не «осталась в прошлом», и её не заменили «миротворческие миссии» и «полицейские операции», проводимые «мировым сообществом» в глобальном политическом пространстве, – как «неприятный», но «необходимый» инструмент его гомогенизации. Хотя уже Шмитт утверждал, что «время национальных государств» прошло и настало время «больших политических пространств»; и что мы не знаем, какую именно форму примет пространственный политический порядок после переходного периода «анархии», или никакого порядка длительное время не будет и установится то, что Шмитт называл «нигилизмом», – действительность

глобального порядка регулярно «ставится под вопрос», в т. ч. именно войнами. В этой перспективе именно философское понятие войны имеет практическое политическое значение: она определяет область и порядок, проводит границы, т. е. формирует представление, необходимое, во-первых, дисциплинарно организованным наукам, чтобы иметь наличие/данность объектов, тематизируемых ими в соответствии со своими целями и методами в предметы своих исследований; и, во-вторых, политическим акторам – для ориентировки в том, «о чём вообще идёт речь», прежде чем действовать.

Понятие войны в парадигме «понятия политического»

1890-му году в некотором роде «повезло» стать *символом*: в этом году, по утверждению М. Хайдеггера, «умер университет» как «место знания» и началось «завершение последнего периода истории Нового времени»¹, то, что Ф. Ницше первый назвал «эпохой нигилизма» (Хайдеггер иногда употребляет это *имя* для называния современности); в этом же году, по утверждению К. Шмитта, распался «пространственный политический порядок», существовавший несколько веков, прежний «номос Земли» утратил свою действительность, и мир вступил в «период неопределённости», «анархии», которая «неизвестно чем закончится».

К недействительному теперь «номосу» относилось и понятие войны («недискриминационное понятие войны межгосударственного международного права»²), которое имело все характерные признаки того, что Шмитт назвал «радикальным» («метафизическим», «мифическим») понятием³: он утверждал, что

¹ Хайдеггер М. Размышления II–VI (Чёрные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 467.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 135.

³ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

такие понятия способны «совмещать» реальное и действительное (М. Хайдеггер писал, что европейская метафизика знает 4 способа такого «совмещения»¹; специфически новоевропейским является «удостоверяющее представление субъекта», к этому способу относятся и «метафизические понятия» Шмитта; здесь же следует иметь в виду определение мифа А. Ф. Лосевым как «вещественной реальности» и «интуитивно-дореклексивного взаимообщения человека с вещами». В общем, для решения задач нашего исследования будет достаточным сказать, что речь идёт о том, что в немецкой философской классике именовалось миром как осмысленной действительностью). Философское понятие войны указывает, таким образом, на осмысленную действительность; такое понятие имеет значение для определённой парадигматически действительности. «Символизм 1890 г.» – в смене парадигмы представления действительности.

Всякий политический порядок, по Шмитту, есть «пространственный порядок»; его конститутивом является граница; *nomos* же происходит от глагола *neteîn*, означающего как «разделять», так и «пасти». Поэтому номос – это тот непосредственный образ, который делает пространственно зримым политический и социальный порядок того или иного народа». Номос – это «мера, в соответствии с определённым порядком делящая поверхность Земли и её локализирующая, а также заданная этой мерой форма политического, социального и религиозного порядка ... определённый участок земли становится своего рода силовым полем устанавливающегося порядка»².

«Номос» также обозначает порядок вообще (например, «порядок звуков»), но Шмитт настаивает, что «все эти об-

разы не должны мешать нам держаться некоего историко-правового единства»³. «Номос земли» также включает «море», а «в последнее время» (книга Шмитта опубликована в 1950 г.) и «воздух», – главным по-прежнему остаётся способ проведения границы, разграничение; любой порядок (по Шмитту) – *правовой порядок*, даже «область аномии», выделяемое объявлением сувереном «чрезвычайного положения», негативно определяется правом и целью чрезвычайного положения является возвращение к правовому порядку).

Международно-правовой порядок есть репрезентация лежащего в его основе номоса: «Не то или иное, во многих своих деталях более или менее случайный территориальный *status quo* определённого исторического момента, но лежащий в его основе номос, его пространственную структуру, единство порядка и локализации должен охранять всякий международно-правовой порядок, если он не хочет сам себя опрокинуть». Изменение *status quo* не затрагивает номос: «Признание войн, вооружённых столкновений, репрессалий и различных способов применения силы в качестве средства достижения изменений не только вполне возможно, а часто даже и необходимо. Но тогда это – ограниченные процессы, не ставящие под сомнение весь пространственный порядок в целом. Не война как таковая подрывает порядок, а лишь определённые цели войны и методы её ведения, нарушающие и отрицающие уже установленные ограничения»⁴.

Исключением являются случаи изменения самого номоса земли; подобное случилось при переходе от средних веков к новому времени; сутью изменения стало то, что актором нового порядка стало пространственно замкнутое суверенное государство: «Новый пространствен-

¹ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 51–52.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 53.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 239.

ный порядок заключается отныне не в твердой локализации, а в некоем балансе, «равновесии», поддержание которого предполагало войну как инструмент «настройки баланса». Это, по Шмитту, никоим образом не означало «анархии» на том основании, что «он допускал войны» в международном порядке: «На самом деле европейские межгосударственные войны периода с 1815 по 1914 гг. были упорядоченными, ограниченными великими державами, наполненными правовым содержанием процессами, по сравнению с которыми современные полицейские и миротворческие мероприятия против нарушителей мира и спокойствия представляются акциями, направленными на уничтожение противника»¹.

Шмитт специально подчёркивает, что «возможность инициировать ограничение войны» следует из «идеи равновесия» и «неким специфическим образом ведёт своё происхождение от определённого отношения к пространству». Вообще, «то, что привело к возникновению нового конкретного международно-правового порядка и ограничению войны, выросло из сформировавшегося к тому времени в Европе конкретного пространственного порядка – государства – и из представления о некоем европейском равновесии этих государств». Суверенные государства соблюдают международно-правовые обязательства, в т. ч. ограничивающие применение военных средств, не в силу «самоограничения» и «доброй воли», но именно потому, что относятся к определённому номосом пространству: ограничение есть следствие равновесия; «система европейских государств как пространственный порядок территориально ограниченных властных образований обрела свою жёсткую структуру»².

Ситуация коренным образом изменилась к концу XIX в., когда «европейские державы (и юристы-теоретики европейского международного права) не просто перестали осознавать пространственные предпосылки своего собственного международного права, но и утратили всякий политический инстинкт, всякие общие силы для поддержки своей собственной пространственной структуры и для ограничения войны»³. Наступил период анархии в международных отношениях.

Пока акторами международного порядка являются суверенные государства, война останется (пусть в качестве «последнего довода») законным способом выяснения отношений, – но именно в силу этого она может быть заключена в правовые рамки, т. е. быть ограничена; Шмитт утверждает: «Во-первых, задачей международного права является воспрепятствование войны на уничтожение, а, следовательно, ограничение войны, и, во-вторых, следствием ликвидации войны как таковой, а не её реального ограничения, с большой долей вероятности станет ещё худший вид войны, возврат к гражданской войне и другим разновидностям войны на уничтожение»⁴.

Суверенность государства, т. е. монополия на легитимное насилие, означает, что европейское территориальное («пространственно замкнутый порядок») суверенное государство «представляет собой единственное устанавливающее порядок образование этой эпохи» и, в свою очередь, предполагает возможность только войн между государствами: «Непубличная война – это негосударственная война»: «Она не только несправедлива, но с точки зрения нового международного права более вообще не является войной. Она может быть всем чем угодно: мятежом, бунтом, нарушением общественно-

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 46, 240.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 142, 207, 245, 305.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 303–304.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 339.

го порядка, варварством или пиратством, но не войной с точки зрения нового европейского международного права»¹.

Ситуация, с точки зрения Шмитта, изменилась «после 1890 г.»: наступившая анархия более или менее успешно до времени ограничивается теми, кого Шмитт называет «великими державами». Они и раньше выступали как «носители и гаранты установленного ими пространственного порядка» и «освящали своим признанием всякое важное территориальное изменение»² (пример «международных конференций для таких решений известен со времён Вестфальского мирного договора, но в качестве инструмента международной политики стал активно применяться с Венского конгресса и особенно интенсивно во второй половине XIX в.).

Само понятие «великой державы», по Шмитту, указывает на заинтересованность в общем пространственном порядке: «Именно в этом и состоит сущность великой державы, поскольку это выражение не только обозначает какую-либо мощную силу, но и чрезвычайно точно характеризует ту исключительную позицию в рамках существующего порядка, занимая которую несколько великих держав признаются в качестве таковых»³. Только войны между «великими державами» потенциально способны «разрушить пространственный порядок»; это происходит в том случае, когда они ведутся в уже поделённом между ними пространстве.

Война такого рода, изменяющая пространственный порядок, называется Шмиттом «тотальной» (в отличие от значения, придаваемого концепту тотальной войны Людендорфом [5], опубликовавшим книгу с таким названием в 1937 г.: определение «тотальной войны» в этой

книге, как «снятие границы» между «военным» и «мирным» и тотальное привлечение всех ресурсов государства для ведения войны по всем направлениям, больше подходит для новой эпохи: современные войны потенциально тотальные, и их стали называть «гибридными» [8]), – но целью такой войны является установление нового порядка, т. е. сущность войны остаётся прежней, тогда и право войны и военное право продолжают ограничивать войну определёнными правовыми рамками.

Эти войны не являлись беспорядком, напротив, «в них заключена высшая форма порядка, на который способна человеческая сила. Они являются единственной формой защиты от порочного круга всё более и более жестоких репрессалий, т. е. от нигилистических акций, продиктованных ненавистью и жаждой мести, бессмысленной целью которых является взаимное уничтожение. Устранение или избежание войны на уничтожение возможно лишь благодаря нахождению некоей формы для состязания сил»⁴, которое, по сути противоборства, не может быть «конкуренцией».

Сказанное выше было описанием области, в которой понятие войны получает своё значение. Сама же суть войны определяется как «экзистенциальное противостояние» равных суверенных субъектов – государств, каждое из которых признаёт других в этом качестве; в точном соответствии с гегелевским определением (он был первым, утверждает Шмитт, кто определил именно понятие войны) война определяется через признание законного врага – *Justus hostis*; этим же полагается граница войне, «закладывается основа для ограничения войны»⁵.

Основание для того, что Шмитт называет законным врагом, он усматривает в

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 179, 194.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 250.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 248.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 242.

⁵ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 242.

государственно-правовой мысли Гоббса, которую Шмитт оценивает очень высоко: и саму по себе, и по тому определяющему воздействию, которое она оказала на номос сложившегося в Европе международного политического порядка (следует иметь в виду категорическое утверждение Шмитта, что мировой политический порядок складывался как «расширение» европейского, посредством признания великими державами государствами политических образований в других частях мира; непризнанные в качестве таковых рассматривались как территории, открытые для законной колонизации). «Персоны», *magni homines*, являются, по Гоббсу, «суверенными по природе» совершенно одинаковым образом, «у них нет ни общего вышестоящего законодателя, ни общего судьи»: «Поскольку каждый из них является судьей в своём собственном деле, он связан лишь собственными договорами, толкование которых также является его собственным делом. Поскольку каждый из них в равной степени суверенен, все они обладают равным правом на войну, равным *jus ad bellum*»¹.

Из этого нельзя вывести никакого «дискриминирующего смысла», т. е. в ситуации войны всех против всех («человек человеку волк»), ни один из суверенных индивидов «не имеет права ликвидировать равенство и выдавать себя самого за человека, а своего противника – за дикого волка». Именно отсюда, по мнению Шмитта, «выводится новое, недискриминирующее понятие войны, благодаря которому воюющие государства могут рассматриваться как равноправные в международно-правовом отношении, т. е. как юридически и морально находящиеся на одном уровне *justi hostes*, а понятия «враг» и «преступник» перестают быть тождественными»; посредством «отделения естественно-правовой и моральной проблемы *justa causa* от типично формально-юридического вопроса о

Justus hostis, отличаемого от преступника, т. е. от объекта карательных акций»².

Государство представляется как *magni homini* («великие люди»), т. е. «территориально замкнутые властные образования репрезентировались в качестве неких лиц, персон». Юристы много спорили о том, к кому или чему относится такое представление: к фигуре суверена государства или к государству как таковому (ещё Кант полагал, что республиканское государство должно иметь суверена как свое лицо для того, чтобы быть «морально вменяемым»), – но, как бы то ни было, обе «стороны» в войне в случае такого представления «признают друг друга в качестве государств». Благодаря этому «становится возможным отличить врага от преступника»³. В XX в. много проблем доставило определение того, что называется «повстанцем» или «партизаном», особенно вследствие «анти-колониальных войн» и «освободительного движения»; Шмитт утверждал (в «Теории партизана»), что международное признание являлось основным критерием разделения «повстанцев» и «террористов» [9].

Таким образом, «с точки зрения европейского права межгосударственной эпохи справедливой является любая межгосударственная война, которую на европейской земле и по правилам европейского военного права ведут организованные армии признанных европейским международным правом государств». Отсюда – важные для теории и практики международных отношений понятия нейтралитета и «ограниченной войны», которые «из слепого взаимного уничтожения превращает войну в приводящуюся по правилам соревнование в силе, завершающееся установлением нового равновесия». Война перестаёт быть «мо-

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 177.

² Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 134. 178.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 168–163, 171.

рально-теологической проблемой вины и ответственности»: «Юридически она вообще уже не содержит в себе никакого вопроса о вине, никакой моральной по своему содержанию и прежде всего никакой юридической в нормативистском смысле проблемы *justa causa*». Справедливость здесь приобретает не моральное, институциональное, значение равных соперников, воюющих между собой, но при этом считающих друг друга «не мятежниками и преступниками» а «*justi hostes*». Другими словами, «право на войну определяется исключительно качеством ведущих войну носителей *jus belli*, а это качество заключается в том, что они есть воюющие друг с другом равноправные суверены»¹.

В то же самое время, прежде всего у Канта, появляется концепт «незаконного врага»². Кант, которого цитирует Шмитт, «называет «незаконным врагом» того, «чья публично (всё равно, словом или поступком) выраженная воля выскажет максимум, согласно которой, если я сделаю её всеобщим правилом, состояние мира между народами станет невозможным, и навеки установится естественное состояние». Шмитт полагает, что «возможно, в нём высказано предчувствие возникновения некоего нового номоса Земли». Война с таким врагом будет считаться «вдвойне справедливой», т. е. становится «крестовым походом», – поэтому особенно важно то, «по каким признакам мы узнаём такого незаконного врага», действия которого «возвращают нас в естественное состояние». Шмитт утверждает, что вопросы «где свобода находится под угрозой, от кого исходит эта угроза, кто *in concreto* это решает – всё это остаётся без ответа»³.

Впрочем, Шмитт же предполагает (и его предположение основано на анализе исторических событий, но также и на

понимании того, как необходимо будут представлять войну в либеральной идеологии), что для объявления незаконным врагом «достаточно словесно выраженной воли, достаточно того, чтобы это выражение высказывало некую максиму, чтобы оправдать совместную акцию тех, кто ощущает угрозу своей свободе». Но последствия такого представления вполне ясны: «По своим крайним последствиям отождествление врага и преступника неминуемо должно привести к устранению тех ограничений, которые Кант ещё устанавливает для победителя»⁴. С таким врагом не ведут переговоров и не заключается мир: целью справедливой войны не является мир, но полное уничтожение противника как преступника, квалифицируемого как террорист [8].

Шмитт видит, что «американские юристы и политики пытаются реанимировать средневековые теории, прежде всего учение о справедливой войне, и использовать их для формирования собственной картины мира», «справедливость» здесь означает отказ от «признания законного врага» и возвращение к «квази-средневековой» доктрине *justa causa*. Он указывает, что такая война «ради осуществления справедливых требований», без различия того «является ли она в тактическом или стратегическом отношении наступательной или оборонительной», будет «тотальной войной» («очевидна связь между войной справедливой и войной тотальной», в которой обе воюющие стороны «вольны использовать любые доступные средства»⁵, – но решать обо всём этом будет победитель.

Шмитт знает, что «сегодня некоторые формулы учения о справедливой войне

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 169–170, 210.

² Кант И. К вечному миру / Кант И. Сочинения в 8 томах. Т. 7. М: Чоро, 1994. С. 257–310.

³ Кант И. К вечному миру / Кант И. Сочинения в 8 томах. Т. 7. М: Чоро, 1994. С. 212, 214.

⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 213, 215.

⁵ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 29, 132, 135, 167.

ставят на службу формирования современных глобальных понятий», и задолго до того, как такая война стала действительностью, точно её описывает: «При современном, дискриминационном понятии войны деление войн на справедливые и несправедливые служит именно тому, чтобы видеть во враге уже не *Justus hostis*, а уголовного преступника». Война в связи с этим «перестает быть международно-правовым понятием», не прекращая при этом «убийств, грабежей и разрушений», а увеличивая их число. Война как карательная операция, «в столь же малой степени является войной, как и акции государственной полиции в отношении какого-нибудь гангстера; они являются лишь наказанием», в результате: «война упраздняется, но лишь потому, что враги более не признают друг друга находящимися на одном моральном и юридическом уровне»¹.

Это – точное описание того, что сегодня называют «новой войной» (М. Калдор [1; 6]), «миротворческой» или «полицейской» операцией, «мировой антитеррористической войной», – разные аспекты фиксируются разными названиями, суть здесь одна.

Проблемой, которую мы ставим в настоящей статье, является иное: на каких «основоположениях», в каком горизонте формируется представление, обеспечивающее достоверность подобного описания (которое затем является областью объектов, тематизируемых в дисциплинарных научных исследованиях). Сам Шмитт даёт ответ на этот вопрос: действительность, представленная в либеральной метафизике²; господствующая либеральная версия экономической парадигмы политического представляет действительность, в т. ч. и новый глобальный политический поряд-

док, о становлении которого как о современности писал Шмитт. Пока «в результате распада специфически европейского порядка не разрушился, растворившись в некоем беспространственном универсализме, старый пространственный порядок, а на смену ему так и не пришёл никакой новый».

На данный же момент, «международный беспорядок, который становится неизбежен, когда структура пространственного порядка становится неопределённой и разрушается понятие войны», но уже ясно, что «центральный вопрос международно-правовой пространственной структуры – альтернатива между наличием нескольких крупных мировых регионов и глобальным пространственным порядком, находящегося под единой властью мира, т. е. оппозиция централизованного мирового господства и основывающегося на равновесии сил пространственного порядка, универсализма и плюрализма, монополии и полиполии»³.

Однако оба варианта принципиально не различаются: действительность парадигматически представлена универсально, глобально, вся целиком, поэтому мы можем упустить рассмотрение вопросов о различии двух альтернатив (для того, чем стала война, различие не имеет принципиального значения) и рассмотреть вопрос о представлении войны в современной либеральной версии экономической парадигмы политического.

Дискурс войны в либеральной версии «экономической парадигмы политического»

Здесь перспектива задаётся принципиальным утверждением, сформулированным Х. Хофмайстером, что война демонстрирует бессилие политики. Хофмайстер выстраивает своё «философское понятие» войны на положении о том, что

¹ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 136, 139–140.

² Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 251, 333, 342.

война как феномен жизни свойственна природе человека. Сам он пишет о горизонте, задаваемом для его понятия «третьим и четвертым» «вопросами Канта»; «законодательство разума» является «судьей» в вопросе о войне на «процессе выяснения истины» в отношении «вражды, насилия и войны». Таким образом, политическое редуцировано к праву («процесс»), затем – к морали, и окончательно – к равновесию интересов (экономика).

Хофмайстер «ограничивает» область значения философского понятия войны. Во-первых, он утверждает, что война «вплетаена в действительность нашей жизни»¹, и потому может быть понята лишь в этой связи (науки, ориентированные предметно, т. е. «имеющие в виду» отдельные аспекты и проявления, такое понимание дать не способны). Во-вторых, философия не может претендовать на то, что достигнутое понимание непосредственно приведёт к прекращению войн. В-третьих, философия не упраздняет необходимость научного исследования и объяснения ни конкретных войн, ни «технических» вопросов, связанных с ведением войны.

Задача философии, во-первых, «выйти за границы перспективистского мышления и разъяснить, где обретается то духовное место в мышлении и поступках человека, с которого начинаются войны, и почему войны подобно природным катастрофам не останавливаются даже перед достоинством и неприкосновенностью человеческой жизни»; во-вторых, «задуматься о понятии войны может означать лишь одно: раскрыть всю сложность этого понятия, выявив те многообразия и неопределимость, которые делают войну непредсказуемой и потому столь опасной»; и, наконец, в-третьих, «прояснить внутреннюю логику войны и доказать, что это логика политического бессилия,

т. е. выявить тот источник, который питает зверство войны». Иными словами, задача философии – «прояснить понятие войны и уловить образующее её силовое поле». Однако до всякого исследования Хофмайстер выдвигает императив: война есть «реальность, которую необходимо победить»², т. е. перспектива рассуждения обозначается ясно с самого начала.

Хофмайстер согласен с тем, что, несмотря на произошедшие изменения, «когда сегодня друг с другом воюют отнюдь не только государства», но до сего времени «по своему происхождению государство, политика и война составляют нерасторжимую триаду», и «чтобы продумать понятие войны, отталкиваясь от её происхождения, требуется осмыслить его в соотношении с понятиями государства и политики». Война есть насилие, насилие имеет основание в «природных свойствах человека», но «о военном насилии мы говорим в смысле насилия организованного, и в духе классической идеи государства понимаем государственную власть как особую форму такого насилия»³.

Само государство последовательно представляется Хофмайстером как инструмент, аппарат «организованного насилия», целью которого как раз является исключение любых иных форм проявления насилия (государство есть политическое сообщество, вытесняющее насилие за свои границы; внутри границ насилие приводится в правовую форму), возможность которого укоренена в природе человека. Из соображений удобства на государство «переносится» представление о разумности. Человеческая воля, по Хофмайстеру, существенно разумна, а государственная власть есть разумно организованная «коллективная воля»

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 12.

² Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 7–17.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 7, 16, 254.

(сам Хофмайстер пишет о «формальной разумности государства»). Насилие в силу ряда причин, которые обусловлены возможной слабостью государства («затмение разума» и «недостаток воли»), способно «перейти границу» и вызвать «внутреннюю» или «внешнюю войну»: слабость власти ведёт к действительности насилия. Поскольку политика формально определяется Хофмайстером как «организация насилия во власть», то «освобождение насилия» означает бессилие политики: «война – это именно политика: политические действия в их безвластии и бессилии»¹.

Итак, мы подошли к основному вопросу о «смысле войны», по Хофмайстеру: человеческая воля, свободная и целеполагающая по своей природе, может быть разнонаправленной: мир возникает как «взаимное признание», война вызывается «отказом от взаимного признания», от спора, от «прислушивания к разумным аргументам противника», т. е. волевым действием насильственного характера².

Люди «по своей природе разумны, свободны, равны»; тождественность в разуме (с поправкой, по Канту, на «не-совершеннолетие», «помешательство» и «свободное самоопределение ко злу» как исключительный случай, имеющий, как мы увидим, важное значение) и случайные расхождения, вызванные набором обстоятельств (культурные, религиозные, национальные различия) являются условием «прозрачной коммуникации», в процессе которой люди договариваются и способны к сообществу, в котором преследуют свои индивидуальные (частные) и общие интересы; высшей, политической, формой такого сообщества и является государство. Политикой в этой связи

представляется управление интересами, т. е. их согласование и приведение к «общему знаменателю», который является тем необходимым «минимумом», который способствует сохранению формального единства сообщества. В нормальном состоянии, когда насилие вытеснено за границы такого сообщества, способом разрешения противоречий является полемика, приведение аргументов, выносивших на суд разума.

Это краткое и упрощённое изложение либеральной теории государства. Сам Хофмайстер утверждает, что либеральная теория государства, в сравнении с Гоббсом и даже Гегелем, ещё более акцентирует свободу и конститутивное значение индивида как автономного субъекта, гражданина (Кант) и лица (Гегель): «Либеральная теория государства, выступавшая в защиту частной сферы, стремилась провести между ними (частным и политическим пространствами) строгую границу и закрепить различие между семьёй, обществом и государством, определяя государство, а равно и общество, не как сообщество, а как сумму различных индивидуумов»; в таком представлении «мышление, говорение и работа – это те формы жизни человека, которые порождают государство. Государственное насилие находится на службе возникновения и сохранения этих форм жизни». К насилию здесь прибегают тогда, когда «невозможно воспользоваться аргументом»: бессилие аргумента оправдывает физическое насилие. Вопрос именно в том, когда и почему аргументы бывают «бессильны»³.

Сам Хофмайстер полагает, как мы уже сказали, что бессилие власти способствует разнузданности страстей; поэтому насилие (правовое) остаётся законным инструментом политики как управления. Но есть 2 более «радикальных» случая. Первый, когда различия между индиви-

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 15.

² Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 8.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 74, 87, 120.

дами настолько существенны, что полемика между ними не может даже начаться (например, разная вера). Либерализм решает эту проблему следующим образом: Д. Лал [4] предложил различение «материальных» и «космологических» ценностей: первые – «общие всем» и имеют политическое значение; вторые терпимы до тех пор, пока не препятствуют свободной реализации первых. Материальные ценности – экономические; человек в этой перспективе должен быть представлен через интересы, без остатка.

Собственно, именно о таком «человеке» как «общечеловеке» и рассуждает Хофмайстер: «мир есть равновесие разнонаправленных свободных волей», преследующих свои интересы, которые сравнимы, количественно измеримы, и потому допускают расчёт и управление. Шмитт указывал на «существенную особенность либеральной метафизики» всё представлять как «равновесие интересов»¹, которое достигается в «бесконечной дискуссии», – исключение истины в пользу «организации истины» (Ф. Р. Анкерсмит²).

Стоит только проявиться тени «субстанциональности» в том, что именуется «космологическими ценностями» (на современном языке это называется фундаментализмом), разрешению человека в совокупность интересов полагается предел: политика перестаёт быть управлением и ставится перед необходимостью политического решения: все без исключения либеральные теоретики (Хабермас, Ролз, Эльстер, Анкерсмит и др.) утверждают, что «основные ценности» не подлежат «размену» и должны защищаться «властью институтов»; правовое насилие, допускаемое Хофмайстером, из этого же ряда. В этом дискурсе война представля-

ется как следствие возможного извращения «публичного пространства свободы», которое определяется как «пространство конкурирующих интересов»³.

Однако есть ещё один более интересный и политически актуальный случай: речь о «свободном определении воли ко злу». Результатом такого «самоопределения» является то, что его субъект исключается из «правового порядка» и становится не «врагом», но «чужим». В экономической парадигме политического *действительность* представляется как «раз и навсегда установленная по определённым законам» (Агамбен⁴); политика – как деятельность по исправлению «отклонений», возникших в результате сложного процесса «согласования интересов» (рынок не всегда «справляется»), и возвращению к «норме» (в либеральном порядке достигнут «конец истории»: это утверждение – не причудливая фантазия одного из апологетов данного порядка, но строгий и философски безупречный вывод из основоположений либеральной метафизики); на месте суверена устанавливается «пустое место» (Ф. Р. Анкерсмит⁵): суверен и его решение разрушительно для такого «вечного порядка» (в его номосе «нельзя изменить ни слова») и принцип «верховенства права» исключает суверена; пространство универсально и гомогенно, граница – только фронтир, за которым как раз и обнаруживается не враг, но чужой. Вместо законного врага – преступники (внутри) и «чужие» (за фронтиром). Мы ещё вернемся к этому сюжету, когда будем подводить итоги изложения.

Пока же завершим разбор «либерального понятия войны» Хофмайсте-

¹ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

² Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 75.

⁴ Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., СПб: Издательство Института Гайдара, 2018. 552 с

⁵ Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

ра (теперь мы можем квалифицировать именно так его «философское понятие»). Война есть бессилие власти, пытающейся «проявить свою силу в насилии, а не в аргументе»; война также может быть «одержимостью власти, играющей властью и испытывающая патологическое удовольствие от собственного участия – участия ради самого участия», – тогда это означает «подчинение логики политики грамматике войны». «Военное насилие» – только «разрушающая сила», и можно согласиться, что в либеральной перспективе это «не морализаторски-оценочное суждение»¹, если не принимать в расчёт, что в либеральной метафизике нет места «понятию политического»², а политическое последовательно редуцируется к управлению, с одной стороны, и в той степени, в какой нуждаются в отсылке к Канту (за свободным автономным субъектом как «неразложимым локусом социального», по словам Калхуна, принципиальный либеральный индивидуализм), к морали – с другой.

Хофмайстер подводит итог: «Тезис Клаузевица о войне как инструменте остаётся справедливым лишь до тех пор, пока грамматика войны не становится логикой политики»³.

Заключение

«Философское понятие» определяет содержание представления войны, имеющее значение для действительности, всегда представленной парадигматически. Вне границ парадигмы слово «война» фактически используется в качестве «технического термина»⁴, т. е. максимум как «жест», указывающий на «объект»,

но ни малейшим образом не выявляющим его значение (чтобы не сказать смысл). Война может быть представлена и как борьба между законными врагами, и как бессилие политики, наткнувшейся на препятствие в управлении интересами. Во втором случае она может быть описана так, как Шмитт описал справедливую и тотальную войну в новом политическом порядке, и, разумеется, любой разумный человек должен стремиться такой войны избежать. Но преступники и чужие не оставляют выбора: самое либеральное государство должно прибегнуть к имеющемуся в его распоряжении средству, чтобы восстановить порядок: война представляется полицейской операцией по восстановлению порядка. Чужие – вне этого порядка и должны быть ассимилированы им (раньше это называлось колониальной политикой и законным захватом свободной территории); существование чужого – экзистенциальная угроза существованию либерального, по своей природе универсального и глобального, порядка.

Кревельд [3] в своей книге об изменении войны в современности выделял случай «экзистенциального врага»: он не становится «законным», но безусловно является «смертельным»; с ним невозможен мир, но только перемирие для перегруппировки и концентрации сил; он должен быть уничтожен, причём вопрос цены не имеет значения. «Монополярная» или «полиполярная» организация универсального глобального порядка – принципиально второстепенный вопрос (хотя политически весьма актуальный); экзистенциальным его может сделать несоизмеримость представлений участников борьбы: пока «один» борется за перераспределение власти в границах существующего порядка, «другой», его противник, может представлять его чужим, – кажется, именно это и является основной опасностью для существования не только политического порядка, даже не для его номоса, но для того, что в традиции не-

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 14, 108, 114–115.

² Шмитт К. Политическая теология / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. С. 110.

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

мецкой философской классики называется миром.

Хайдеггер написал о Второй мировой войне: «Невидимое опустошение будет в этой Второй мировой войне большим (и более значительным), чем видимые

разрушения»¹. Нам представляется, что к современным «новым войнам», справедливым и тотальным, это относится даже в большей степени.

Дата поступления в редакцию 25.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
2. Клаузевиц К. фон. О войне / пер. с нем. А. К. Рачинского. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 861 с.
3. Кревельд М. Трансформация войны / под ред. Ю. Кузнецова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
4. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок / пер. с англ. Бю Пинскера. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
5. Людендорф Э. Тотальная война / пер. с нем. А. Петрова. М.: Эксмо, 2015. 442 с.
6. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Биополитическое производство жизни и «новая война»: опыт философского истолкования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 86–94.
7. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Ещё к истолкованию «децизионизма К. Шмитта» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 216–229.
8. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 123–134.
9. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. К различению «партизана» и «террориста» в двух парадигмах политического // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 173–184.

REFERENCES

1. Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era* (Rus. ed.: Appolonov A., Dondukovsky M., transls. *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epokhu*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara Publ., 2015. 416 p.).
2. Clausewitz C. von. *Vom Kriege* (Rus. ed.: Rachinsky A. K., transl. *O voine*. Moscow, Eksmo Publ.; St. Petersburg, Midgard Publ., 2007. 861 p.).
3. Crevelde M. van. *Die Zukunft des Kriegeres* (Rus. ed.: Kuznetsov Yu., ed. *Transformatsiya voyny*. Moscow: Alpina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.).
4. Lal D. *In Praise of Empires. Globalization and Order* (Rus. ed.: Pinsker B., transl. *Pokhvata imperii: Globalizatsiya i poriadok*. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2010. 364 p.).
5. Ludendorff E. *Der Totale Krieg*. (Rus. ed.: Petrov A., transl. *Totalnaya vojna*. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 442 p.).
6. Maltsev K. G., Maltseva A. V. [Biopolitical production of life and the «new war»: experience in philosophical interpretation]. In *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovation. Investment], 2021, no. 4, pp. 86–94.
7. Maltsev K. G., Maltseva A. V. [More to the interpretation of «K. Schmitt's Decisionism»]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management], 2021, vol. 11, no. 3, pp. 216–229.
8. Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. [Discourses of the new «hybrid» war: content and criticism]. In: *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law], 2021, vol. 11, no. 4, pp. 123–134.

¹ Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 175.

9. Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. [On distinction between «guerrillas» and «terrorists» in two paradigms of the political]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 4, pp. 173–184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: pavic69@mail.ru

Ломако Леонид Леонидович – старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: parmenid@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Shukhov State Technological University;
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Shukhov State Technological University;
e-mail: pavic69@mail.ru

Leonid L. Lomako – senior lecturer, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Shukhov State Technological University;
e-mail: parmenid@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Война в горизонте «понятия политического» (К. Шмитт) и «бессилия политики» (Х. Хофмайстер) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 124–138.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-124-138

FOR CITATION

Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. War in the horizon of “The Concept of the Political” (C. Schmitt) and “The Impotence of Politics”(H. Hofmeister). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 4, pp. 124–138.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-124-138